

УДК 947:323

А.Н. Мичурин

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИЗИСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Alexei N. Michurin

**SOME ASPECTS OF CRISIS OF POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE YEARS OF WORLD WAR I**

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием политической системы Российской империи в годы Первой мировой войны. Выявляются неизвестные ранее причины кризиса самодержавия, особенности организационной работы правых групп в верхней палате российского парламента во время общественно-политического кризиса 1915 года, влияние отдельных политических и организационных проблем на деятельность этой политической структуры Российской империи.

Ключевые слова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА, РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, САМОДЕРЖАВИЕ, ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ПАРЛАМЕНТ.

Abstract

In article the questions connected with functioning of political system of the Russian Empire in days of World War I are considered. Unknown the reasons of crisis of autocracy, feature of organizational work of the "right" groups in the upper house of the Russian parliament are established earlier during political crisis of 1915, influence of single political and organizational questions on activity of this political structure of the Russian Empire.

Keywords

POLITICAL SYSTEM, RUSSIAN EMPIRE, AUTOCRACY, WORLD WAR I, PARLIAMENT.

Летом 1915 года, в условиях все более разрастающихся общенациональных проблем во взаимоотношениях общественности и власти, правые силы в Российской империи переживали постоянный кризис, который не прекратился даже после роспуска законодательных палат парламента 3 сентября того же года. Вопросы, связанные с политической активностью накануне Февральской революции, продолжают оставаться актуальными в отечественной историографии. Существуют многочисленные расхождения не только в оценках, но и в выявлении персональных действий как деятелей оппозиции, так и представителей правого политического лагеря. Между тем существовал не только структурный кризис, но и кризис идей и даже кризис межличностных отношений в правых группах. Наметившийся раскол между пра-

вой группой и группой правого центра в верхней палате парламента так и не был преодолен вплоть до 1917 года. Более того, наметилось последовательное снижение численности правых членов Государственного совета, связанное не только с бегством части представителей правой группы в другие группы, прежде всего в правый центр, но и поражением на выборах осенью 1915 года всего правого спектра в Государственном совете.

Однако и левые находились в тяжелом положении. Налицо была неопределенная ситуация с правительством, было лишь понятно, что на уступки Прогрессивному блоку, возникшему как оппозиционное парламентское объединение летом 1915 года, правящие круги не пойдут. Можно сказать, это было жестокое поражение оппозиции. В целом кадеты в первые дни

после 3 сентября 1915 года проявляли полную растерянность и желание сохранить хотя бы минимум из того, что с таким трудом удалось соединить в августе того же года. Поэтому на заседании Прогрессивного блока в Думе днем 3 сентября 1915 года говорилось только об одном — о необходимости сохранения полного спокойствия и самообладания. Тот же призыв звучал и во время вечернего заседания Прогрессивного блока с представителями Государственного совета у В.В. Меллер-Закомельского. В ответ на предложение И.Н. Ефремова выйти из Особых совещаний все присутствующие стали уговаривать прогрессистов остаться в них и «не поддаваться чувству естественного раздражения» [1, л. 23]. П.Н. Милуков и Н.А. Маклаков убеждали собравшихся, что убрать главу правительства И.Л. Горемыкина можно только политикой сдержанности. Того же мнения придерживались и члены Государственного совета В.В. Меллер-Закомельский и И.А. Шебеко. Д.Д. Grimm рассказал об обстановке, сложившейся в Государственном совете 3 сентября 1915 года. На заседании президиума верхней палаты с представителями групп вице-председатель Государственного совета И.Я. Голубев предложил составить телеграмму Николаю II и заявление о том, что мир не будет заключен до полной победы, и об объединении сил общественности и правительства. Текст заявления председатель Государственного совета А.Н. Куломзин поручил составить самой нейтральной на тот момент группе — правому центру, но ее председатель А.Б. Нейдгарт отказался. Следующей группой, к которой обратился Куломзин, был центр. Меллер-Закомельский составил заявление, в котором выражалась надежда, что «правительство сумеет объединить и направить общественные силы к победе» [2, с. 155]. Куломзин выступил против предложенного текста, так как в нем давались указания правительству. Не изменил своему «радикализму» и В.Н. Ковцов (кружок внепартийного объединения), не надеявшийся, что данный состав правительства объединит работу общественности. Ввиду непримиримых противоречий Меллер-Закомельский отказался составить текст, и решили обойтись без заявления.

Н.Д. Судавцов пишет о том, что в сложившихся условиях лидеры Прогрессивного блока также решили использовать трибуну Всерос-

сийского земского союза и Всероссийского союза городов в борьбе за власть [3, с. 59–60]. С этим можно согласиться лишь отчасти, так как результаты съездов не так однозначны. В.М. Шевырин считает, что, хотя либеральная общественность и разделяла ряд преобразований программы Прогрессивного блока, это вовсе не значило, что «общественность» союзов «признала Прогрессивный блок своим идейным руководителем», как утверждают В.И. Старцев и, по сути, Н.Д. Судавцов [4, с. 87].

Отказ императора Николая II принять совместную депутацию от земского и городского съездов определил дальнейшую линию поведения блока, тем более что кадеты, озадаченные ходом московских съездов, решили активизироваться независимо от линии поведения остальных участников этого оппозиционного объединения. Поводом к такой активизации стал рассматриваемый в Совете министров законопроект о введении предварительной цензуры. В соответствии с пунктом 7 временного положения о военной цензуре в полном объеме цензура могла быть введена лишь на театре военных действий, а в прочих местностях могла быть введена только частичная военная цензура. Ужесточение цензуры на остальной территории России задевало органы печати, сочувствующие Прогрессивному блоку, и не могло способствовать популяризации его идей. Поэтому кадеты направили к министру внутренних дел Н.Б. Щербатову делегацию во главе с А.И. Шингаревым. 14 сентября 1915 года на заседании ЦК кадетской партии участники этой делегации рассказали о своих впечатлениях. В приемной они встретились с выходящими от министра членами Государственного совета, представителями правой группы А.А. Бобринским и А.И. Мосоловым. Бобринский в духе своих предыдущих заявлений о сотрудничестве с Прогрессивным блоком обратился к Шингареву: «Вы идете нам на смену, но там мы говорили то же, что и Вы» [5, л. 203]. Такая массированная обработка правительства не могла не сказаться на настроении Н.Б. Щербатова, и правительство фактически заморозило рассмотрение вопроса о предварительной цензуре. Ортодоксальные правые, не понимавшие мягкотелости своих сотоварищей из правой группы, негодовали по поводу поведения правительства. Н.А. Маклаков (правый) писал 22 сентября

Н.Ф. Бурдукову в Петроград: «Посмотрите, как власть презренно себя держит. Ни туда ни сюда. Разрабатывают законопроект о предварительной цензуре и отрекаются, когда поднимается шум, созывают Думу и распускают... Борются против программы „желтого блока” и в то же время разрешают соединенный общеземской и городской съезд, который – что должно быть понятно всякому дураку – собирается только с политическими видами» [6, л. 1483].

16 сентября 1915 года Николай II вызвал весь состав Совета министров в Ставку, где произошло окончательное крушение надежд как либеральных министров, так и Прогрессивного блока на сочувствие со стороны императора. От июньской атмосферы сочувствия тому, чтобы правительство работало в полной «согласованности с требованиями фронта и в единении с созываемыми законодательными учреждениями» [7, с. 97], у Николая II не осталось и следа. Министров никто не встретил, и обращение с ними было самым прохладным. А.Н. Яхонтов образно оценил линию поведения царя: «Все получили нахлобучку от Государя Императора за августовское письмо и за поведение во время августовского кризиса» [8, с. 136].

В конце сентября 1915 года последовали увольнения министров Н.Б. Щербатова и А.Д. Самарина и назначение А.Н. Хвостова новым министром внутренних дел. Назначение Хвостова было воспринято в политических кругах, примыкавших к Прогрессивному блоку, неоднозначно. С одной стороны, Щербатов и Самарин не были в числе безусловных фаворитов общественных кругов в «министерство доверия», но их отставка вызвала легкую панику. Левые справедливо видели в назначении Хвостова угрозу для себя, например лидер кадетов и Прогрессивного блока в целом П.Н. Милюков [9, с. 225]. С другой стороны, проявились многочисленные противоречия между членами Государственного совета и Государственной думы. Е.Д. Черменский отмечал благожелательное отношение общественности к назначению Хвостова, делая из этого вывод о снижении накала оппозиционного течения после роспуска законодательных палат [10, с. 134–135]. Но переписка членов Государственного совета, которые в силу своего положения изначально должны были проявлять некоторую умеренность, говорит об обратном. Во-первых, в этот

период проходили выборы в Государственный совет, результаты которых всеми рассматривались как триумфальная победа оппозиционных групп верхней палаты. Во-вторых, назначение Хвостова вызвало отрицательную реакцию среди членов Государственного совета. Слухи о его назначении появились уже 24 сентября 1915 года [11, л. 1504], но в них верили с трудом. Хвостов был неформальным лидером правых в Государственной думе и обладал талантом и чувством такта [12, с. 212]. При этом он с 1912 года был и председателем фракции правых в Государственной думе, но в 1913 году сложил свои полномочия.

Зато после назначения А.Н. Хвостова члены верхней палаты дали волю своим чувствам. А.Д. Оболенский (центр) писал 27 сентября Е.Н. Оболенской о своих впечатлениях от встречи с Хвостовым: «Последнего я видел только один раз, и он мне показался человеком не умным, скорее товаром легковесным, но бойким, несмотря на свою физическую толщину» [11, л. 1538]. Хотя, по определению Оболенского, Хвостов был «принципиальный немцененавистник», он считал, что это назначение явно играет на руку немцам. Парадокс этого заключения выводился, видимо, из того, что усиление правого крыла в правительстве изначально трактовалось оппозиционными кругами как результат деятельности прогерманских сил. М. фон-Брин 7 октября 1915 года писал А.Б. Нейдгарту (правый центр): «С грустью прочел в газетах, что будто бы не согласились с твоими требованиями и твое назначение министром внутренних дел расстроилось. Назначили А.Н.Х. [А.Н. Хвостова], уж это последнее дело, у человека нет ничего святого, отсутствие принципов – грустно. Неужели это надолго?» [13, л. 1612]. В.Ф. Джунковский тоже плохо отзывался о Хвостове и его назначении [14, с. 634].

Этот же вопрос задавали себе и думские представители Прогрессивного блока. Примечательно, что обсуждение И.Н. Ефремовым и П.П. Рябушинским возможности собрания Центрального комитета партии прогрессистов практически совпало с отставками министров и назначением А.Н. Хвостова министром внутренних дел [11, л. 1527]. Началось прощупывание почвы и относительно других перемещений в Совете министров. 1 октября 1915 года граф П.Н. Игнатьев заявил в частной беседе

И.С. Ключеву, что, видимо, остается на посту министра народного просвещения [15, л. 15].

Забавными при этом выглядят и некоторые параллели в оценках правительства правыми и оппозиционными деятелями при сохранении диаметрально противоположной фразеологии. Беспокойство членов оппозиционных групп и фракций, а также членов Государственного совета по назначению являло собой картину совершенно отличную от той, которая складывалась до начала октября 1915 года. До 20 сентября того же года проходили постоянные консультации представителей блока с отдельными министрами, причем министры отделялись общими фразами и не шли на откровенный разговор. Поэтому бюро блока постановило, не предпринимая своей тактики, выждать конкретных шагов правительства, которые определят и дальнейшие шаги блока [16]. В связи с этим может вызывать только недоумение заявление А. Грунта о том, что за два месяца, последовавшими за роспуском Думы, бюро блока даже ни разу не собиралось [17, с. 115]. Отсутствие четкой позиции не является показателем бездействия бюро блока, хотя и осложнило положение различных политических групп, в этот период сконцентрировавшихся на выборах в Государственный совет. Отсутствие четких установок в бюро Прогрессивного блока привело к тому, что М.В. Родзянко во время своего пребывания в Харькове на встрече с горнопромышленниками юга России отметил, что промышленность не оправдала надежд по обслуживанию нужд армии, а промышленные группы своими ссорами фактически прервали нормальную работу по снабжению армии. Эти заявления сродни заявлениям члена Государственного совета П.П. Кобылинского (правый) в августе 1915 года, в которых он обличал промышленников в хищнических наклонностях и отсутствии патриотизма. Н. Манаров, один из корреспондентов Кобылинского, с восторгом писал: «Пусть правительство избавит нас от этих негодяев, пусть правительство ведет войну не только с немцами на полях сражений, но и с пособниками немцев внутри России, с наглыми негодяями-промышленниками!» [18, л. 3]. Сходные по духу заявления Родзянко, сделанные во время выборов в Государственный совет от промышленности П.П. Рябушинского и А.И. Гучкова, говорят о полном отсутствии ко-

ординации между Родзянко и Прогрессивным блоком. Прогрессивная газета «Утро России», всячески способствовавшая проведению Рябушинского в члены Государственного совета, очень быстро напомнила Родзянко, что он «недалеко ушел от пресловутой потребительской психологии... говорил Родзянко-земец и дворянин. Этим многое можно если не оправдать, то объяснить» [19].

В целом правые круги были преисполнены надежды в связи с назначением А.Н. Хвостова, так как он пытался декларативно создать Черный блок и выступал за откровенный союз с крайне правыми [20]. Но насколько эта угроза была реальной, можно судить хотя бы по тому, что Хвостов имел очень натянутые личные отношения как с Н.Е. Марковым, так и с Г.Г. Замысловским [21, с. 78].

Да и некоторые наивные расчеты Хвостова заставляют усомниться в наличии у него какой бы то ни было реальной способности бороться с оппозицией. Хвостов планировал наградить одного из лидеров блока Родзянко орденом, задобив его, с одной стороны, и опозорив в кругах либералов — с другой [22, с. 129]. А.А. Иванов в своем исследовании приводит этот пассаж, как что-то необыкновенное. Однако и А.И. Гучков, один из признанных лидеров оппозиции, тоже получил орден Святого Владимира III степени с мечами в 1916 году — «за труды, понесенные при условиях военного времени», что несколько не опозорило его, так как орден он принял [23, л. 2].

Дальнейшие шаги А.Н. Хвостова, о которых либеральная общественность раздувала слухи, также заставляют усомниться в его политической дальновидности: «Хвостов взял агентом в полицию некоего весьма недвусмысленного Ржевского из Нижнего: это человек, любящий пожить и сотрудничавший одновременно в „Русском слове“, в черносотенном нижегородском листке. Но Белецкий — в то время товарищ министра — приставил, не веря Хвостову, других агентов следить за хвостовским агентом. Проследили и выяснили, что Ржевский по поручению Хвостова ездил в Финляндию — нанимать убийц для Распутина. И Ржевский был арестован. Теперь, как говорит В.Н. Львов, Хвостова держат в министрах только из страха, как бы, вернувшись в депутатское кресло в Думу, он не наделал скандальных разоблачений» [24, л. 11–12 об.].

Сходным образом реагировали на перестановки в правительстве и прогрессисты, заседания которых начались 21 октября 1915 года, причем на этих заседаниях активно выступал князь Е.Н. Трубецкой, член Государственного совета, после своего избрания в верхнюю палату 13 сентября 1915 года от Калужского земского собрания примкнувший к левой группе [25, л. 52]. Абсолютный кризис правых сил на выборах сквозит при этом в письме Трубецкого к М.К. Морозовой от 18 сентября 1915 года, где сообщается о результатах выборов в Государственный совет: «Я долго проверял свою совесть и решил подчиниться на выборах только явной необходимости. Приехав в Калугу, стал интриговать против самого себя за Осоргина; шепнул даже крайне правым, что если они переложат ему записок и шаров, то только этим они могут устранить мою кандидатуру. Это была суцья правда, и правые этим соблазнились, так как Осоргин правее меня и для них приемлемее. Делал и умышленные „бестактности“, которые могли привести к избранию третьего кандидата — Коншина. И все напрасно: записок я получил почти вдвое против Осоргина (у него не оказалось вовсе шансов) и больше всех. Перед тем чтобы выразить согласие баллотироваться, я громко заявил, что иду только на время опасности и по миновании ее сложу полномочия. Не помогло и это: выбрали большинством: 34 против 18, т. е. подавляющим большинством! Признаюсь, что у меня защемило в сердце и было больно!» [26, л. 41–42].

При этом на заседании у прогрессистов господствовало мнение о неспособности Совета министров справиться с продовольственной ситуацией, которое они составили на основании сведений, полученных от соответствующих ведомств, скорее всего Особых совещаний. Эти цифры были предоставлены, видимо, управлением Особого совещания по продовольственному делу о снабжении Петрограда и Москвы продовольствием, но из них совершенно невозможно вывести заключение о катастрофическом состоянии дел с транспортом и продовольствием. Например, с 9 по 13 октября, несмотря на небольшой подвоз хлеба, хлебный рынок был вполне стабилен. Сложнее обстояло дело с маслом, но его нехватка стала ощущаться только из-за запрещения вывоза из Сибири. В Москве с сахаром были ощутимые проблемы

и повышались цены на хлеб, но в то же время на 13 октября 1915 года на железнодорожных станциях Москвы залежи сахара доходили до 317 вагонов [27, л. 7–9]. Поэтому говорить о катастрофе, как это делали прогрессисты из политических соображений, не представляется возможным. Из приведенных сведений видна лишь неспособность Особых совещаний самостоятельно справиться с продовольственной проблемой, а тем более разгрузить московский железнодорожный узел, чем немедленно после своего назначения министром внутренних дел и занялся А.Н. Хвостов.

А. Шторм писал члену Государственного совета Н.Н. Покровскому (кружок внепартийного объединения) о торговле маршрутными поездами на железных дорогах: «Цена такому поезду 8 тыс. рублей. Посредники, устраивающие это дело, назначают 10–12 тыс. рублей за поезд в 40 вагонов» [28, л. 2291]. Но обличительная кампания встретила противодействие со стороны правительства [29, л. 1899], о чем Н.И. Астров и М.В. Челноков информировали Прогрессивный блок уже 25 октября 1915 года на собрании у В.В. Меллера-Закомельского.

С такой политикой общественным кругам и поддерживающему их Прогрессивному блоку справиться тоже было не просто. Поэтому на заседании 25 октября 1915 года возобладало мнение, что «нельзя поднимать настроение для того, чтобы поднимать... Львов премьером не будет» [30, с. 147]. Под влиянием выборов в Государственный совет и заявлений членов верхней палаты, примыкавших к прогрессивным группам, произошло окончательное размежевание между правой группой в верхней палате, сократившейся в этот период до 55 членов, и прогрессивными группами (левой, центром и кружком внепартийного объединения), насчитывавшими 97 членов. Показательно, однако, что правые при этом продолжали пребывать в состоянии организационной беспомощности в Государственном совете, доказательством чему служат воспоминания А.Ф. Редигера о рассмотрении 30 ноября 1915 года государственной росписи на 1916 год. Финансовая комиссия до конца 1915 года имела двенадцать заседаний, на которых в том числе рассматривались вопросы о бесконтрольном выделении государственных средств Общеземскому и Общегородскому союзам. Редигер вспоминал: «Мне не возражали,

но председатель комиссии Дмитриев поспешил перейти к другому вопросу — какая-либо критика деятельности общественных организаций в то время была крайне непопулярной: только от них и ждали той живой и энергичной работы, которой правительство, очевидно, не в состоянии дать! Лишь некоторые члены комиссии (помню, например, Воеводский) потом высказывали мне свое согласие с моими замечаниями, но в комиссии они молчали [31, с. 403—404]. А ведь С.А. Воеводский был стойким правым членом Государственного совета и, мало того, другом Редигера.

Показательно, что уже в середине сентября 1915 года князь А.Н. Лобанов-Ростовский, ранее вышедший из правой группы из-за поползновений ее нового лидера А.А. Бобринского заигрывать с Прогрессивным блоком, вернулся в правую группу. Лобанов-Ростовский даже назвал свой выход из нее ошибкой [32]. Одна из причин, заставившая многих правых одуматься и ужесточить свою позицию, была выражена в письме графа С.Д. Шереметева, пережившего с правой группой самые тяжелые августовские дни, к другому правому, А.Г. Булыгину, который дезертировал из нее в министерский список Государственного совета [33]. 21 октября 1915 года Шереметев писал: «Теперь лозунг — мутить и раздражать в интересах блока. Вот новорожденное учреждение. А о равноправии Государственного совета никто не думает» [34, л. 1772]. Это сродни открытому письму В.Н. Снежкова (правый, в 1916 году покинул фракцию правых) о блоке (после его создания), где говорилось, что нельзя выставлять политические требования во время войны: «Я нахожу возможным лишь один выход: представители блока должны заявить с трибуны Государственной думы: „Мы стремились провести ряд либеральных законопроектов, но около трети Думы и около половины членов Государственного совета отказались к нам присоединиться. Оставаясь верными нашей программе, мы проведем ее по окончании войны. Ныне же, не желая нарушать создавшееся единение всех фракций, обсуждение программы приостанавливаем”» [35, л. 2 об.]. То есть правые тоже не знали, сколько членов Госсовета вошло в Прогрессивный блок. Это понятно, так как этого не знали и сами члены блока.

Произошедшие перемены в правительстве еще более выявили крайнюю необходимость

разработки линии поведения Прогрессивного блока и правых, поскольку складывалась новая ситуация, которую можно было использовать в интересах блока. Отставка А.В. Кривошеина, предложение 1 ноября 1915 года А.Н. Наумову возглавить Министерство земледелия, назначение А.Ф. Трепова министром путей сообщения создавали условия для тесного общения представителей блока с новыми министрами. Правые круги Государственного совета безоговорочно поддержали увольнение Кривошеина и весьма положительно отнеслись к возможному назначению Наумова на пост министра земледелия. Одновременно члены Прогрессивного блока начали активное давление на Наумова с целью заставить его отказаться от занятия министерского поста. Такое давление оказывалось на него со стороны В.Н. Львова и графа А.А. Бобринского, которые советовали Наумову «сохранить себя для будущего» [36, с. 341]. 8 ноября 1915 года во время прощания Наумова с сотрудниками по Следственной комиссии с ним беседовал товарищ председателя Государственной думы С.Т. Варун-Секрет по вопросам образования Прогрессивного блока, который развивал идею об ответственном министерстве после окончания войны.

Дрогнул в этот момент и граф П.Н. Игнатьев, ранее очень оптимистически настроенный и считавший свое положение довольно твердым [15, л. 15]. 2 ноября 1915 года Игнатьев писал графине Игнатьевой в Босый Брод Киевской губернии: «Мне думается, что недолго меня еще будут держать в этой странной компании. А Трепов — министр путей сообщения. Можно ли дальше идти? Человек никогда в жизни двумя курицами не управлял» [29, л. 1880]. А.Г. Булыгин тоже выражал опасения против своего назначения в Совет министров, который он называл «кор де балетом» [37, л. 1912]. Ожидал своей отставки при этом и П.Л. Барк [29, л. 1874]. «А.Ф. Трепов пользовался репутацией весьма способного и умного человека, обладавшего будто бы задатками крупного государственного деятеля. Каким образом установилась за ним эта репутация — остается загадкой» [38, с. 284].

Плохую координацию блока, а точнее противоречия его думской половины с членами Государственного совета, недостаточно улавливали правые в законодательных палатах. Им

продолжал мерещиться единый блок большинства законодательных палат, тем более что реальную силу блока не могли определить и сами его участники. В этой связи совсем фантастическими кажутся собственные подсчеты члена Государственной думы Н.В. Жилина, писавшего 6 ноября члену Думы К.А. Тарасову в Котельнич Вятской губернии: «Но еще велика сила блока. В Госсовете 28 лиц центра (по назначению) состоят в блоке, к ним пристали 6 человек выбранных членов Госсовета. Вот эти 34 человека еще поддерживают блок» [37, л. 1918]. Мало того, что группа центра не насчитывала 28 членов по назначению, так как их было меньше 24 [39, л. 23–24], но получилась просто невероятная картина преобладания оппозиционных настроений среди членов по назначению. Не понятно тогда, почему бюро группы центра очень уклончиво выразило свое отношение к программе Прогрессивного блока, не предвещая вопроса о последовательности проведения и подробностях этой программы [40].

Эта методологическая ошибка в подсчетах сродни такой же ошибке, встречающейся и в современной историографии. Например, А.И. Серков пишет: «Летом 1915 года вокруг требования „правительства доверия“ объединилось 6 фракций Государственной думы («прогрессивные» националисты, группа центра, земцы-октябристы, фракция Союза 17 октября, кадеты, прогрессисты; всего 236 из 397 (422) членов Думы); к блоку примкнули еще 32 депутата и 3 фракции Государственного совета. Всего в Прогрессивный блок, который выступал за либеральные реформы, за войну „до победного конца“, за восстановление профсоюзов и др., вошли более 300 человек. Доминирующую роль в блоке играли члены Партии народной свободы, в бюро Прогрессивного блока от нее вошли масоны А.И. Шингарев и Н.В. Некрасов» [41, с. 198].

Эти данные о членах блока в Государственном совете представляются абсолютно мифическими, как и 32 члена верхней палаты, поддержавшие блок. Три прогрессивные группы включали больше членов и в сумме обладали большинством: 89 членов против 80 членов правой группы и группы правого центра на момент образования Прогрессивного блока [38, л. 13 об.–14]. Но важно даже не это. В Государственном совете сам Прогрес-

сивный блок не располагал большинством, что отмечалось уже в момент его зарождения [42, с. 17]. Установить состав прогрессивных групп в верхней палате парламента по групповым спискам возможно, но личных подписей членов Государственного совета под декларацией блока не существовало, поэтому личное отношение выявить крайне сложно. Многие члены Государственного совета в личной переписке откешиваются от Прогрессивного блока [43], к которому их с упорством причисляет отечественная историография.

Предпринятые правыми выступления на Саратовском совещании уполномоченных монархических организаций 27–29 августа 1915 года с острыми нападками на членов Государственного совета по назначению, примкнувших к блоку, показывают, что правые прекрасно отдавали себе отчет о возможностях Прогрессивного блока в момент его зарождения [44, с. 13]. Но ситуация значительно изменилась к ноябрю 1915 года, а правые продолжали обличать блок, хотя сами находились в глубоком кризисе. Подготавливавшийся съезд правых в Нижнем Новгороде грозил окончиться полным провалом. К. Пасхалов писал 31 октября 1915 года члену Государственного совета Н.А. Маклакову (правый), что сил и средств на организацию Нижегородского съезда почти нет [29, л. 1857]. Об этом же писал 4 декабря председатель астраханской Народно-монархической партии Н. Тиханович-Савицкий председателю одесского отдела Союза русских людей Н.Н. Родзевичу. Он спрашивал совета у Родзевича: звать ли на съезд В.М. Пуришкевича, считая, что Пуришкевич будет вредить съезду. Эти предположения были небезосновательны, если учесть, что В.М. Пуришкевич публично заявлял, что после войны наступит эра крупных либеральных реформ [45, л. 2317]. Противоречия между Петроградским совещанием 21–23 ноября и Всероссийским монархическим совещанием 26–29 ноября 1915 года были все же не так значительны, как представлялось С.А. Степанову, который отмечал значительные отличия этих собраний [46, с. 324–326]. Конечно, отдельные члены Петроградского совещания высказывали осторожные опасения по поводу резких резолюций. А.А. Бобринский писал И.Г. Щегловитову: «Возражения мои зиждятся на том соображении, что съезд монархистов

представляет из себя как-никак – улицу; правую улицу, но все же толпу. Члены законодательных учреждений на съезде – исключение. При таком составе съезда нам следует соблюдать сугубую осторожность во всем, что касается верховной власти» [47, с. 115].

Но не это беспокоило большинство правых деятелей, собравшихся в Петрограде и Нижнем Новгороде. В резолюциях продолжались нападки на «членов Государственного совета по назначению и придворных чинов, которые вступили в соглашение с Прогрессивным парламентским блоком, покусившимся для достижения своих политических домогательств преступно использовать тяжелые военные обстоятельства» [48, с. 29]. Образовался намеченный в Петрограде Совет монархических организаций, возглавленный членом правой группы Государственного совета И.Г. Щегловитовым, который, по определению С.Д. Сазонова, говорил осторожно и мало, но, «благодаря своему уму и научной подготовке, занимал среди своих товарищей по партии, не обладавших этими преимуществами, положение настоящего вождя...» [49, с. 358]. Казалось, что Прогрессивный блок переживает неприятные минуты, так как съезд монархистов удостоился милостивой резолюции Николая II «через председателя своего Щегловитова» [50, л. 2054]. Однако сам И.Г. Щегловитов считал иначе. Охватившее его отчаяние он передал в письме от 24 ноября 1915 года к Д.И. Иловайскому в Москву: «Вчера закончился монархический съезд. Что вы об нем думаете. Как все у нас странно. В монархии монархистов только небольшая кучка» [Там же. Л. 2051]. Еще более безысходное письмо написал К. Пасхалов 19 декабря Н.А. Маклакову. Пасхалов, хотя и хвалил саму идею правых совещаний, отмечал: «После Нижегородского совещания чувствую себя совершенно разбитым. Меня охватило чувство глубокой, безотрадной безнадежности, отнимающей всякую охоту и возможность трудиться. Зачем? Когда наперед уверен, что из этого ничего не будет» [28, л. 2280]. Ни о какой организованной активизации правых в тот период не могло идти речи.

В этой связи вызывают некоторые возражения предположения В.С. Дякина, что «настойчивая атака правых на членов Госсовета возымела свое воздействие. Среди группы центра начались колебания (особенно среди членов

Совета по назначению)» [22, с. 143]. Противоречия в группе центра начались еще в конце августа 1915 года. Новый всплеск беспокойства наметился в начале ноября, до съездов правых, и смущала членов группы центра не агитация правых, а то, что «члены по назначению могут в новом году не получить назначения. Это их смущает и опять усиливает уныние» [37, л. 1918]. Достоверность этих предположений позднее подтвердила и кадетская газета «Речь», отмечавшая 1 января 1916 года, что назначения в Государственный совет, по слухам, могли внести изменения в численное соотношение групп верхней палаты. Еще точнее эта мысль выражена в письме к члену левой группы Д.И. Багалею от 21 ноября 1915 года, в котором отмечается: «В группе центра настроение сейчас очень вялое благодаря давлению, которое оказывают *membres nommes* на *membres elus*. Это – всегдашняя там история – позолоченная зависимость на каждом шагу, а в особенности когда начинает дуть неблагоприятный ветер, дает себя немедленно знать» [50, л. 2028].

Поэтому нет никаких оснований соотносить монархические съезды правых с начавшимися 1 декабря 1915 года заседаниями группы центра в Мариинском дворце под председательством барона В.В. Меллера-Закомельского. Всего на этих заседаниях присутствовало 25 человек из 59 членов списочного состава группы. В целом заседание не выходило за рамки заявления Меллера-Закомельского, сделанного им на собрании бюро блока 15 ноября 1915 года, о том, что министерство доверия не есть парламентское министерство. На заседании 1 декабря 1915 года группа центра указала, что пункт декларации блока «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны» понимается ими отнюдь не как заявление, направленное к изменению порядка избрания и назначения высших сановников Российской империи. Члены группы центра при этом ссылались на свою собственную программу, в которой говорилось: «Группа в основу своей деятельности полагает осуществление, охранение и закономерное развитие выраженных в Высочайше дарованных актах конституционно-монархических начал» [51, л. 1]. Ряд членов группы центра по назначению даже открестились от парламентского блока, а «некоторые сановники зашли так далеко, что даже готовы были

обвинить бюро своей группы в том, что оно самочинно, без уполномочия группы, присоединилось к блоку» [52]. Паника в группе центра была так велика, что левому крылу группы не удалось убедить большинство подождать приезда членов центра из провинции.

Острый политический кризис, завершившийся 3 сентября 1915 года роспуском Государственной думы и Государственного совета, перешел в затяжную борьбу за голоса избирателей и подготовку общественного мнения к новым требованиям Прогрессивного блока уже в 1916 году. Осуществить главное из этих тре-

бований — «министерство доверия» — с ходу не удалось. Власть продемонстрировала, что обладает возможностями для маневра против патриотических лозунгов оппозиции. Но, продемонстрировав возможность к маневру, правительство и правые силы показали удивительную беспомощность в практической работе. Ни вернуть себе большинство, ни расколоть «полуживой» Прогрессивный блок в Государственной думе и «мертворожденную» его часть в Государственном совете в 1915 году правые не смогли, как, впрочем, не смогут сделать этого вплоть до Февральской революции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **РО РГБ**. Ф. 260. К. 4. Д. 10.
2. **Прогрессивный** блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. — 1932. — Т. 50–51 (1–2).
3. **Судацков, Н.Д.** Земское и городское самоуправление в России в годы Первой мировой войны [Текст] / Н.Д. Судацков. — М.; Ставрополь, 2001. — 719 с.
4. **Шевырин, В.М.** Власть и общественные организации в России (1914–1917) [Текст]: аналит. обзор / В.М. Шевырин; РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел отеч. и заруб. истории. — М., 2003. — 152 с.
5. **ГАРФ**. Ф. 523. Оп. 1. Д. 32 (5).
6. **ГАРФ**. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1032.
7. **Барк, П.Л.** Воспоминания [Текст] / П.Л. Барк // Возрождение. — 1966. — № 170. — С. 82–102.
8. **Яхонтов, А.Н.** Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года) [Текст] / А.Н. Яхонтов. — М.: Терра : Политиздат, 1993. — С. 5–136. [Репринт. изд.].
9. **Милоков, П.Н.** Воспоминания [Текст]. Т. 2 / П.Н. Милоков. — М.: Современник, 1990. — 446 с.
10. **Черменский, Е.Д.** IV Государственная дума и свержение царизма в России [Текст] / Е.Д. Черменский. — М.: Мысль, 1976. — 318 с.
11. **ГАРФ**. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1033.
12. **Ознобишин, А.А.** Воспоминания члена IV Государственной думы [Текст] / А.А. Ознобишин. — Париж, 1927. — 263 с.
13. **ГАРФ**. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1034.
14. **Джунковский, В.Ф.** Воспоминания [Текст]. В 2 т. Т. 1 / В.Ф. Джунковский; под ред. А.Л. Паниной. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. — 736 с.
15. **РГИА**. Ф. 669. Оп. 1. Д. 17.
16. **Утро России**. — 1915. — 20 сентября.
17. **Грунт, А.** Прогрессивный блок [Текст] / А. Грунт // Вопр. истории. — 1945. — № 3–4. — С. 108–117.
18. **РГИА**. Ф. 961. Оп. 1. Д. 26.
19. **Утро России**. — 1915. — 22 сентября.
20. **Речь**. — 1916. — 25 февраля.
21. **Иванов, А.А.** Последние защитники монархии: фракция правых в IV Государственной думе в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917) [Текст] / А.А. Иванов. — СПб.: Дм. Буланин, 2006. — 208 с.
22. **Дякин, В.С.** Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917) [Текст] / В.С. Дякин. — Л.: Наука, 1967. — 363 с.
23. **РГИА**. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 682.
24. **РО РГБ**. Ф. 171.9.1. Е.Н. Трубецкой — М.К. Морозовой. 21.02.1916.
25. **РГИА**. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 7.
26. **РО РГБ**. Ф. 171.8.3.
27. **РГИА**. Ф. 1576. Оп. 1. 1915 г. Д. 215.
28. **ГАРФ**. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1040.
29. **ГАРФ**. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1036.
30. **Красный архив**. — 1932. — Т. 52 (3).
31. **Редигер, А.Ф.** История моей жизни. Воспоминания военного министра [Текст]. В 2 т. Т. 2 / А.Ф. Редигер. — М.: Канон-пресс : Кучково поле, 1999. — 528 с.
32. **Утро России**. — 1915. — 19 сентября.
33. **Речь**. — 1915. — 19 августа.
34. **ГАРФ**. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1035.
35. **РГИА**. Ф. 1090. Оп. 1. Д. 162.
36. **Наумов, А.Н.** Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Т. 2 [Текст] / А.Н. Наумов. — Нью-Йорк: Наумова и Кусевицкая, 1955. — 583 с.
37. **ГАРФ**. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1037.
38. **Ключевые** фигуры Российской политики в канун войны и революции. Из воспоминаний Е.Н. Шелькинга [Текст] // Во власти хаоса. Современники о войнах и революциях. 1914–1920 / авт.-сост. Л.М. Аринштейн. — М.: Грифон, 2007. — 432 с.
39. **РГИА**. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7.
40. **Речь**. — 1915. — 2 декабря.
41. **Серков, А.И.** История русского масонства XX века [Текст]. В 3 т. Т. 1 / А.И. Серков. — СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2009. — 264 с.

42. **Корнилов, А.А.** Парламентский блок [Текст] / А.А. Корнилов. – М., 1915. – 23 с.
 43. **Мичурин, А.Н.** «В Госсовете – вавилонское столпотворение»: политические взгляды членов Государственного совета и состав Прогрессивного блока в 1915 г. [Текст] / А.Н. Мичурин // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: История России. – 2011. – № 4. – С. 27–39.
 44. **Труды** Всероссийского монархического совещания в Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. [Текст]. – Пг., 1916. – 70 с.
 45. **ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1041.**

46. **Степанов, С.А.** Черная сотня в России (1905–1914) [Текст] / С.А. Степанов. – М.: Изд-во ВЗПИ: Росвузнаука, 1992. – 329 с.
 47. **Из архива И.Г. Щегловитова** // Красный архив. – 1926. – Т. 15 (2).
 48. **Совещание** монархистов 21–23 ноября 1915 г. в Петрограде. Постановление и краткий отчет [Текст]. – М., 1915. – 45 с.
 49. **Сазонов, С.Д.** Воспоминания [Текст] / С.Д. Сазонов. – Париж: Е. Сияльская, 1927. – 399 с.
 50. **ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1038.**
 51. **РГИА. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 11.**
 52. **Биржевые** ведомости. – 1915. – 3 декабря.

REFERENCES

1. **RO RGB. F. 260. K. 4. D. 10.** (rus.)
 2. **Progressivnyi blok v 1915–1917 gg.** *Krasnyi arkhiv*, 1932, t. 50–51 (1–2). (rus.)
 3. **Sudavtsov N.D.** Zemskoe i gorodskoe samoupravlenie v Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny. Moscow, Stavropol', 2001. 719 p. (rus.)
 4. **Shevyrin V.M.** Vlast' i obshchestvennye organizatsii v Rossii (1914–1917): analiticheskii obzor. RAN. INION. Tsentr sotsial'nykh nauch.-inform. issled. Otdel otech. i zarub. istorii. Moscow, 2003. 152 p. (rus.)
 5. **GARF. F. 523. Op. 1. D. 32 (5).** (rus.)
 6. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1032.** (rus.)
 7. **Bark P.L.** Vospominaniia. *Vozrozhdenie*, 1966, nr 170, pp. 82–102. (rus.)
 8. **Iakhontov A.N.** Tiazhelye dni (Sekretnye zasedaniia Soveta ministrov 16 iul'ia – 2 sentiabria 1915 goda). Moscow, Terra, Politizdat, 1993, pp. 5–136. [Reprint. izd.] (rus.)
 9. **Miliukov P.N.** Vospominaniia, t. 2. Moscow, Sovremennik, 1990. 446 p. (rus.)
 10. **Chermenskii E.D.** IV Gosudarstvennaia дума i sverzhenie tsarizma v Rossii. Moscow, Mysl', 1976. 318 p. (rus.)
 11. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1033.** (rus.)
 12. **Oznobishin A.A.** Vospominaniia chlena IV Gosudarstvennoi dumy. Parizh, 1927. 263 p. (rus.)
 13. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1034.** (rus.)
 14. **Dzhunkovskii V.F.** Vospominaniia. V 2 t. T. 1. Pod red. A.L. Paninoi. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1997. 736 p. (rus.)
 15. **RGIA. F. 669. Op. 1. D. 17.** (rus.)
 16. **Utro Rossii.** 1915. 20 sentiabria. (rus.)
 17. **Grunt A.** Progressivnyi blok. *Voprosy istorii*, 1945, nr 3–4, pp. 108–117. (rus.)
 18. **RGIA. F. 961. Op. 1. D. 26.** (rus.)
 19. **Utro Rossii.** 1915. 22 sentiabria. (rus.)
 20. **Rech'.** 1916. 25 fevralia. (rus.)
 21. **Ivanov A.A.** Poslednie zashchitniki monarkhii: Fraktsiia pravyykh v IV Gosudarstvennoi dumy v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917). St. Petersburg, Dm. Bulanin, 2006. 208 p. (rus.)

22. **Diakin V.S.** Russkaia burzhuaziia i tsarizm v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917). Leningrad, Nauka, 1967. 363 p. (rus.)
 23. **RGIA. F. 1162. Op. 6. D. 682.** (rus.)
 24. **RO RGB. F. 171.9.1. E.N. Trubetskoi** – M.K. Morozovoi. 21.02.1916. (rus.)
 25. **RGIA. F. 1162. Op. 8. 1915. D. 7.** (rus.)
 26. **RO RGB. F. 171.8.3.** (rus.)
 27. **RGIA. F. 1576. Op. 1. 1915. D. 215.** (rus.)
 28. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1040.** (rus.)
 29. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1036.** (rus.)
 30. **Krasnyi arkhiv, 1932, t. 52 (3). (rus.)
 31. **Rediger A.F.** Istoriia moei zhizni. Vospominaniia voennogo ministra. V 2 t. T. 2. Moscow, Kanon-press, Kuchkovo pole, 1999. 528 p. (rus.)
 32. **Utro Rossii.** 1915. 19 sentiabria. (rus.)
 33. **Rech'.** 1915. 19 avgusta. (rus.)
 34. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1035.** (rus.)
 35. **RGIA. F. 1090. Op. 1. D. 162.** (rus.)
 36. **Naumov A.N.** Iz utselevshikh vospominanii. 1868–1917. T. 2. N. Y., Naumova i Kusevitskaia, 1955. 583 p. (rus.)
 37. **GARF. F. 102. Op. 265. D. 1037.** (rus.)
 38. **Kliuchevye** figury Rossiiskoi politiki v kanun voiny i revoliutsii. Iz vospominanii E.N. Shel'kinga. *Vo vlasti khaosa. Sovremenniki o voynakh i revoliutsii.* 1914–1920. Avtor-sostavitel' L.M. Arinshtein. – Moscow, Grifon, 2007. 432 p. (rus.)
 39. **RGIA. F. 1148. Op. 10. 1914. D. 7.** (rus.)
 40. **Rech'.** 1915. 2 dekabria. (rus.)
 41. **Serkov A.I.** Istoriia russkogo masonstva XX veka. V 3 t. T. 1. St. Petersburg, Izdatel'stvo im. N.I. Novikova, 2009. 264 p. (rus.)
 42. **Kornilov A.A.** Parlamentskii blok. Moscow, 1915. 23 p. (rus.)
 43. **Michurin A.N.** «V Gossoвете – vavilonskoe stolpotvorenie»: politicheskie vzgliady chlenov Gosudarstvennogo soveta i sostav Progressivnogo bloka v 1915 godu. *Vestnik Rossiiskogo univ. druzhby narodov. Istoriia Rossii*, 2011, nr 4, pp. 27–39. (rus.)**

44. **Trudy** Vserossiiskogo monarkhicheskogo soveshchaniia v Nizhnem Novgorode upolnomochennykh pravyykh organizatsii s 26 po 29 noiabria 1915 g. Petrograd, 1916. 70 p. (rus.)
45. **GARF**. F. 102. Op. 265. D. 1041. (rus.)
46. **Stepanov S.A.** Chernaia sotnia v Rossii (1905–1914). Moscow, Izdatel'stvo VZPI, Rosvuznauka, 1992. 329 p. (rus.)
47. **Iz arkhiva** I.G. Shcheglovitova. *Krasnyi arkhiv*, 1926, t. 15 (2). (rus.)
48. **Soveshchanie** monarkhistov 21–23 noiabria 1915 goda v Petrograde. Postanovlenie i kratkii otchet. Moscow, 1915. 45 p. (rus.)
49. **Sazonov S.D.** Vospominaniia. Parizh, E. Siial'skaia, 1927. 399 p. (rus.)
50. **GARF**. F. 102. Op. 265. D. 1038. (rus.)
51. **RGIA**. F. 1668. Op. 1. D. 11. (rus.)
52. **Birzhevye vedomosti**. 1915. 3 dekabria. (rus.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / AUTHOR

МИЧУРИН Алексей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент; Санкт-Петербургский государственный политехнический университет.

195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
michurinspb@mail.ru

MICHURIN Alexey N. — *St. Petersburg State Polytechnical University.*

Politekhnikeskaya Str., 29, St. Petersburg, Russia, 195251
michurinspb@mail.ru

© Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет, 2013